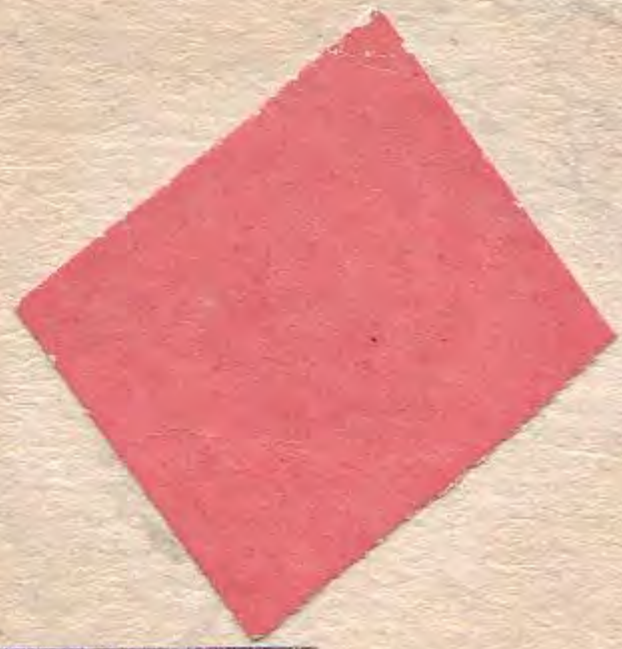

26.89(2P55)
П49

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

На правах рукописи

В-38-1281

ПОЛЕВОЙ
Борис Петрович

Г.т. 9 н.

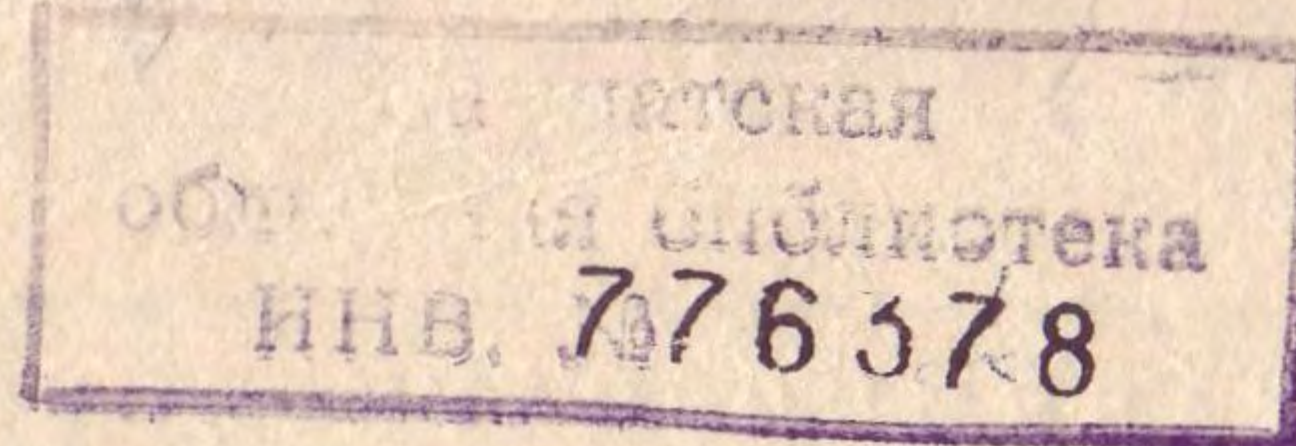
УДК: 947.04/07(571.6)

РУССКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
с 30-х гг. XVII в. до 60-х гг. XIX в.

07.00.02 — ИСТОРИЯ СССР

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ЛЕНИНГРАД — 1986

26.89(2P55)
П 49

Работа выполнена в Ленинградской части
Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Официальные оппоненты

Доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Н. Н. Болховитинов

Доктор исторических наук, профессор
Б. Н. Комиссаров

Доктор исторических наук, старший научный сотрудник
А. И. Копанев

Ведущая организация — Ленинградский
государственный университет им. А. А. Жданова

Защита состоится „16“ декабря 1986 г. в 14 часов
на заседании специализированного совета Д 002.33.03 по за-
щите диссертации на соискание ученой степени доктора наук
при Ленинградском отделении Института истории СССР АН
СССР (197110, Ленинград, ул. Петрозаводская, 7).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ле-
нинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

Автореферат разослан „12“ ноября 1986 года.

Ученый секретарь специализированного совета

Г. И. Ильина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы и главные задачи диссертации. Перед советскими историками давно уже встала важная патриотическая задача как можно полнее и точнее воссоздать яркую историю открытия и первоосвоения русскими Дальнего Востока. Эта тема приобрела особую актуальность во второй половине XX в., когда на востоке резко осложнилась международная обстановка и когда за рубежом некоторые фальсификаторы истории начали грубо искажать историю русского Дальнего Востока. В этих условиях нельзя было мириться с тем, что многие проблемы и вопросы темы, имеющие большое научное и политическое значение, оставались не полностью решенными. В первую очередь необходимо было достоверно установить:

1. Каковы были подлинные причины быстрого выхода русских на Тихий океан в 1639 г.? Как был осуществлен поход И. Ю. Москвитина — первый русский поход на Охотское море, какие при этом были совершены географические открытия и собраны самые первые сведения о малых народах Дальнего Востока?

2. Какие первые открытия в XVII в. были сделаны русскими в Приамурье? Кем были дючеры, ачаны, куяры и чижемы, о которых русские узнали на Амуре?

3. Как были впервые открыты Колыма, Чукотка и Анадырь (даже история известных походов С. И. Дежнева и М. В. Стадухина нуждалась в серьезных уточнениях)?

4. Как создавались первые русские географические чертежи дальневосточных земель и какое влияние они оказали на русскую и зарубежную картографию?

5. Какие открытия были совершены на Камчатке в XVII — начале XVIII вв., кем и когда?

6. Как со стороны Дальнего Востока были впервые открыты северо-западные берега Америки? Каковы были истинные причины организации экспедиций Евреинова — Лужина и Беринга? Какую роль сыграл в изучении северных районов Тихого океана М. В. Ломоносов, а позже Г. И. Шелихов?

7. Какие главные географические открытия были совершены русскими в южных районах Дальнего Востока в XVIII—XIX вв. и каково было их значение в истории нашей страны?

Эти семь комплексных задач и решаются в семи главах диссертации. Все они взаимосвязаны и подчинены главной задаче исследований соискателя — существенному расширению наших знаний по истории русских открытий на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв.

Методика исследования. При анализе выявленных данных соискатель всегда руководствовался основополагающими трудами классиков марксизма, неукоснительно выполнял главное требование В. И. Ленина к историческим исследованиям: выводы делать только на основе ВСЕЙ СОВОКУПНОСТИ фактов при строго диалектическом, классовом подходе к изучаемым событиям.

Основное внимание соискатель уделил поиску в архивах новых документов, которые могли бы существенно расширить представления о русских географических открытиях на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. Наиболее результативными были изыскания соискателя в Центральном государственном архиве древних актов, Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, в Архиве Внешней Политики России, в Центральном государственном историческом архиве, в Архиве Географического общества СССР, в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, в рукописных отделах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Библиотеке Академии наук СССР и Института русской литературы (Пушкинский дом).

В ходе многолетних поисков в научный оборот были включены сотни ранее неизвестных документов о русских открытиях на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. Но наибольшее значение для решения вопросов диссертации имел анализ историко-этнографических данных.

Подробное изучение истории географических открытий на Дальнем Востоке показывает, что в подавляющем большинстве случаев русские землепроходцы получали первичную географическую информацию от местных жителей, но она не всегда правильно понималась русскими землепроходцами. Иногда же ее неверно интерпретировали сами историки географических открытий. Все это и приводило к тому, что в работах по истории географических открытий появлялись порою весьма серьезные ошибки. Чтобы восстановить истину, необходимо было прежде всего научиться правильно толковать первичную географическую информацию местных

жителей, определять примерно диапазон их географических представлений, а для этого важно было знать не только, где именно жил тот или иной информатор, но и где он кочевал, с кем из своих соседей находился в контакте. Ради решения этой задачи соискатель часто дополнительно (насколько позволяли источники) уточнял ареал хозяйственной деятельности тех этнографических групп, к которым принадлежал информатор, изучал географию традиционных путей их перекочевков, характер взаимоотношений с соседними племенами и народами. Иногда возникала необходимость выяснить и как осуществлялся в данном конкретном районе товарообмен, поскольку торговые контакты, как правило, способствовали расширению географических представлений местных жителей. Порою определялось даже происхождение вещей, используемых при меновой торговле, так как часто с вещами доходили и сведения (правда, иногда в искаженном виде) о тех странах или отдельных населенных пунктах, в которых они производились. Но в диссертации, при действующих ограничениях ее объема, пришлось давать лишь конечные результаты применения этой методики исследований.

Новизна диссертации и особенности ее структуры. Почти вся диссертация связана с вопросами и проблемами, которые были решены по-новому (об общеизвестном соискатель стремился писать как можно короче). Ниже — в кратких обзорах содержания всех семи глав диссертации — на многочисленных примерах показано, ЧТО именно в ней дано нового.

Поскольку исследования соискателя посвящены событиям, происходившим на огромном пространстве: от Колымы, Чукотки и Анадыря — на севере и до Приамурья, Приморья, Сахалина и южных Курил — на юге и к тому же на протяжении более двух веков, то в диссертации главное внимание сосредоточено лишь на наиболее важных для науки дискуссионных вопросах. Более четырех глав посвящено XVII веку, так как именно тогда были совершены наиважнейшие открытия, история которых оставалась наименее изученной. Открытия XVIII—XIX вв. пришлось излагать кратко. В некоторых случаях соискатель даже вынужден был ограничиться простыми ссылками на свои подробные ранее опубликованные работы. При этом основное внимание сосредоточивалось на ранее неизвестных источниках и на новом толковании поднятых проблем.

Научное и практическое значение исследований. Прежде всего результаты исследований соискателя стали широко использоваться в исторической литературе. Они вызвали в печати — в нашей стране и за границей (в ПНР, ВНР, ГДР,

Канаде, США, Англии, Франции, Японии и др. странах)¹ — более 300 откликов в самых различных формах — от рецензий в газетах, журналах и сборниках до статей и монографий, основанных на новых положениях соискателя (краткий обзор откликов дан в диссертации в приложении 2).

Помимо историков, результатами проведенных изысканий пользовались исследователи и других специальностей — географы, геологи, биологи, филологи и особенно этнографы, поскольку подробное изучение истории русских географических открытий на Дальнем Востоке с использованием этнографических данных во многих случаях помогло решить некоторые вопросы и этнографии. Так, например, появилась возможность более точно выяснить, когда и при каких обстоятельствах русские землепроходцы смогли получить самые ранние сведения о малых народах Дальнего Востока — эвенах, нивхах, нанайцах, даурах, айнах, юкагирах, чукчах, коряках, ительменах и др. Да и сама история русских географических открытий по существу является частью истории миграции русского населения, и поэтому она теснейшим образом связана со многими проблемами, которые волнуют этнографов, изучающих историю русского населения на востоке.

Труды соискателя позволили внести важные уточнения и исправления в различные книги и учебные пособия по истории дальневосточных областей и краев. Часто они использовались преподавателями вузов и сотрудниками музеев. Не раз они способствовали организации поисковых экспедиций, например, в начале 70-х гг. из Владивостока и Томска по пути похода И. Ю. Москвитина и тогда же по маршруту плавания Г. И. Невельского 1849 г. В 1972—1982 гг. хабаровские краеведы (А. А. Степанов, Л. Н. Гусева и их коллеги), используя данные соискателя (6 и др.), провели поиски на Амуре следов легендарного Ачанского городка Я. П. Хабарова 1651—1652 гг. В результате этих работ была подтверждена правильность заключения соискателя о том, что этот городок был создан в нанайском селении Оджал-Болонь, в связи с чем указом Верховного Совета РСФСР за № 1218 от 16 декабря 1977 г. оно было переименовано в Ачан.

Для строителей БАМа полезной была опубликованная в третьем выпуске «БАМ. Панорама всенародной стройки» статья соискателя о первых русских, побывавших еще в XVII в. на землях трассы, и статья о подлинном происхождении названий Байкал и Амур (92).

¹ Некоторые из работ соискателя были опубликованы за рубежом: 5 в ПНР (51, 54, 71 и др.), одна в ГДР, 4 в Канаде (46, 70, 76) и 4 в США. В скобках даются ссылки на номера работ соискателя по списку, приведенному в конце автореферата.

Стремясь как можно скорее ознакомить общественность Дальнего Востока с результатами своих новейших изысканий, соискатель часто выступал со статьями в литературно-художественных, общественно-политических журналах («Дальний Восток», «Полярная Звезда» и др.), литературных сборниках («Сахалин», «Камчатка» и др.), в центральных и местных газетах, а также неоднократно участвовал в радио- и телепередачах. Опыт показал, что такие выступления значительно ускоряли включение новых данных в специальную научную литературу.

Труды соискателя не раз использовали в своей практической деятельности эксперты различных специальных учреждений, а также советские журналисты-публицисты и ученые, активно разоблачавшие иностранные фальсификации истории Дальнего Востока.

Апробация диссертации. Соискатель неоднократно выступал с докладами по тематике диссертации на различных конференциях, симпозиумах и чтениях в Ленинграде, Москве, Новосибирске, Иркутске, Владивостоке, Южно-Сахалинске, Петропавловске-Камчатском и др. городах СССР. В одном лишь Географическом обществе СССР было сделано 26 докладов, получивших одобрение специалистов. Подробный доклад о диссертации был заслушан на ученом совете Ленинградской части Института этнографии АН СССР еще 31 января 1978 г. Обсуждение готовой диссертации в институте было проведено 12 марта 1985 г.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ГЛАВАМ

Введение. Этнографические сведения, относившиеся к Восточной Сибири и русскому Дальнему Востоку, стали впервые включаться в отечественные (30, 50) и иностранные² сочинения еще во второй половине XVII в. Но лишь после основания Санкт-Петербургской Академии наук в России началось НАУЧНОЕ изучение географии с некоторыми элементами этнографии (подробнее: 61 и др.).

В 30-х гг. XVIII в. во время Второй Камчатской экспедиции было положено начало научным изысканиям как по истории русских географических открытий на восточных окраи-

² Наиболее ценен труд голландского географа Н. Витсена «Северная и восточная Татария» 1692 г. (переиздан с дополнениями в 1705 г.). Его материалы в переводе В. Г. Трисман широко использовались соискателем (16, 33, 42, 43, 64, 66, 68, 76). Уделено также внимание этнографическим данным и из «Dyaguisz» Адама Каменского-Длужика 70-х гг. XVII в. — самого раннего из дошедших до нас сочинений о Сибири и Дальнем Востоке на польском языке (см. 18, 36, 51, 53, 54, 60, 65, 71).

нах России, так и по этнографии. Для решения же сложных вопросов истории русских географических открытий на Дальнем Востоке данные этнографии стали привлекаться лишь с конца XIX в., да и то изредка (например, в некоторых ранних статьях Д. Н. Анучина). Заметно возрос к ним интерес в первой половине XX в. Так, в нашей стране наиболее удачно смог ими воспользоваться Л. С. Берг в своей известной монографии «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга». И все-таки из-за недостаточно полного учета данных этнографии даже в этой ценной монографии в некоторых случаях были допущены существенные неточности.

Поскольку в середине XX в. вышли десятки этнографических трудов, полезных для историков географических открытий, и тогда же в научный оборот были включены многие ценные архивные документы, то в последние десятилетия значительно расширились возможности использования историко-этнографических данных в исследованиях по истории русских географических открытий на Дальнем Востоке.

Часто использовал соискатель и различные ценные данные из трудов советских историков — особенно В. А. Александрова, А. И. Алексеева, М. П. Алексеева, А. И. Андреева, М. И. Белова, Н. Н. Болховитинова, Г. М. Василевич, Р. В. Васильевского, И. С. Вдовина, О. Н. Вилкова, Л. А. Гольденберга, А. П. Деревянко, Н. Н. Дикова, Б. О. Долгих, А. В. Ефимова, В. Ф. Иванова, Б. Н. Комиссарова, А. И. Копанева, Р. В. Макаровой, Г. А. Меновщикова, В. С. Мясникова, А. Л. Нарочницкого, А. П. Окладникова, П. Н. Павлова, В. М. Пасецкого, Л. П. Потапова, А. А. Преображенского, Ф. Г. Сафронова, Ч. М. Таксами, С. Г. Федоровой, Э. В. Шавкунова, Т. К. Шафрановской, Н. К. Шульмана и др. Извлечена была полезная информация и из некоторых трудов и источников, опубликованных на английском, французском, немецком, голландском, польском и других языках.

Глава первая. ВЫХОД РУССКИХ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК в 1639—1640 гг.

1. Причины быстрого продвижения русских к берегам Тихого океана в XVII в.

Для историка-марксиста вполне очевидно, что главную причину быстрого продвижения русских на восток следует искать прежде всего в особенностях социально-экономического развития России той эпохи. Именно оно позволило России стать к XVII в. весьма сильным централизованным государством, располагавшим всеми возможностями для расширения своих владений в восточном направлении.

Поскольку советские историки уже достаточно хорошо изучили многие вопросы и проблемы социально-экономического развития России XVI—XVII вв., приведшего к началу широкого заселения русскими Сибири и Дальнего Востока, соискатель главное свое внимание сосредоточил на анализе историко-этнографических данных, которые помогли полнее ответить на вопрос, почему русские в середине XVII в. смогли так быстро достичь земель Дальнего Востока.

Изучение социально-экономической истории России, демографических процессов в ней происходивших, показывает, что еще в XVII в. существовал ряд социальных групп, заинтересованных в переселении в новые богатые земли Сибири. Основную их массу (более 80%) составляли выходцы из Европейского Севера, которые не знали крепостного права и именно поэтому были способны проявлять наибольшую инициативу в освоении новых земель.

Часто в литературе утверждается, что среди сибиряков в XVII в. было множество беглых крепостных крестьян. Исследования соискателя не подтверждают эту версию. В дальневосточных землях они вообще составляли ничтожный процент. Но по документам неожиданно выяснилось, что некоторые крепостные были сюда сознательно направлены своими повелителями на своеобразный оброк — специально для приобретения пушнины. По существу, на востоке они выступали в качестве промышленных или торговых людей. Такое своеобразное социальное явление несомненно было связано с процессом становления единого рынка.

Семнадцатый век, как отметил В. И. Ленин (Собр. соч., т. 1, с. 154), отличался «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок». Этот процесс привел к появлению в Сибири многих предприимчивых торговых людей, которые своей активной деятельностью существенно способствовали открытию и освоению «новых земель». Это лишний раз подтверждает правильность вывода К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что ранние географические открытия эпохи феодализма связаны с процессом первоначального накопления капитала. Маркс рекомендовал всегда учитывать, что этот процесс «в различных странах имеет различную окраску, проходил различные стадии, в различном порядке и в различные эпохи» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 23, с. 728) и что он «благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, кото-

рые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 11, с. 354).

Анализ «эмпирически данных обстоятельств» — реальной обстановки в Сибири в XVII в. и показал ясно, что русская политика в Сибири значительно отличалась от колониальной политики западноевропейских государств, особенно Англии. Английские колонисты в Америке обычно сгоняли индейцев с их земель и ради этой цели вели против них истребительные войны. Русские же, наоборот, были заинтересованы в том, чтобы местные жители оставались бы на своих постоянных «житиях» и были бы надежными поставщиками пушнины в казну. Отмечая это, историк-марксист, естественно, ни в коем случае не должен идеализировать политику царского правительства на востоке. К. Маркс (Собр. соч., 2 изд., т. 23, с. 726), безусловно, был прав, когда указывал, что процесс первоначального накопления «все что угодно, но только не идиллия». И в Сибири нередко обострялись взаимоотношения между русскими и аборигенами, но конфликты между ними, как правило, не были длительными, и, имея в Сибири относительно спокойный тыл, русские могли быстрее уходить дальше в новые восточные районы.

В продвижении русских на восток имело особое значение интенсивное использование пушных богатств: сравнительно быстро появлялись жалобы на то, что «зверь выпромыслился», и это заставляло служилых, промышленных и торговых людей искать новые более богатые земли. Так они и дошли до Дальнего Востока.

2. Поход И. Ю. Москвитина — первый русский поход на Дальний Восток

До недавнего времени считалось, что самые первые сведения о дальневосточных землях русские получили летом 1639 г. на реке Витим, где известный основатель Братского острога Максим Перфильев от эвенка Комбойко на усть Муи реки смог узнать о реке «Шилке» (современная Шилка + Амур), которая «пала в большое море». В результате архивных изысканий соискателя выяснилось, что еще в мае 1638 г. на реке Алдане у устья р. Май томские казаки во главе с Д. Копыловым получили от охотских эвенов первые сведения об Охотском море (8, 12). Это была самая первая встреча русских с коренными жителями дальневосточных земель. Спустя три месяца — в августе 1638 г. участники похода получили в Бутальском зимовье от эвенка-лалагира Томкони самые ранние сведения о Приамурье, о его пашнях и серебряной руде. Поскольку тогда в Ленском крае был очень

дорог хлеб и Россия нуждалась в серебре, то сразу же и возник план похода в Приамурье. Бывалые мореходы избрали для этой цели морской путь. Так и был организован поход И. Ю. Москвитина — первый русский поход к Тихому океану. Удалось существенно уточнить его историю: окончательно опровергнуть версию о переходе москвитинцев по р. Юдоме (этот путь стал использоваться русскими только с 50-х гг. XVII в.); доказать, что казаки ходили на север в 1639 г. только до р. Охоты, а на юг в 1640 г. даже до района устья Амура; подробно проследить историю открытия в 1640 г. «островов Гилятцкой орды», самым крупным из которых был Сахалин; раскрыть историю получения самых первых сведений о нивхах, нанайцах, айнах и др. дальневосточных народностях; уточнить датировки похода, в частности начала русского тихоокеанского мореходства; выяснить происхождение трех главных итоговых документов похода.

Глава вторая. ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПОХОДЫ ПО АМУРУ В СЕРЕДИНЕ XVII в.

По архивным документам воссоздана подробная история организации похода В. Д. Пояркова (56), найден полный список его участников, собраны новые сведения о его маршруте от Алдана через Становой хребет, уточнена история трагической зимовки на Зее в 1643—1644 гг. и история самого плавания вниз по Амуру, а главное — по-новому решена дючерская проблема (79 и др.).

Л. И. Шренк и другие этнографы долгое время считали, что «дючеры» — это «догольдское население» Приамурья, которое в середине 50-х гг. XVII в. было будто бы полностью уведено в Маньчжурию. Но историко-этнографические данные XVII в. показывают, что дючеры — предки значительной части современных нанайцев. Этноним «дючеры» был впервые услышан русскими от монголоязычных дауров, которые заимствовали его от собственно монголов. Последние же употребляли этноним «джурчжиты», который восходит к монгольскому наименованию чжурчженей. После того, как потомки южных чжурчженей стали именоваться «маньчжурами» или «богдойцами» от монгольского слова «богд» — «верховный», этноним «дючеры» («жучеры», «джучеры» и т. д.) сохранился лишь за потомками северных чжурчженей, так называемых «лесных чжурчженей». К сожалению, некоторые этнографы до сих пор продолжают ошибочно именовать дючеров маньчжурами, хотя сами маньчжуры считали дючеров особой народностью — «хурха» (в русских источниках «корга», поэтому и южную границу поселений дючеров — реку Мунданцзян русские тоже именовали «Коргой»).

В середине XVII в. амурским дючерам пришлось выдержать нелегкую борьбу с маньчжурами, которые не раз вторгались на Амур с юга. Часть дючеров оказалась в подчинении маньчжуров, но часть еще боролась за свою независимость. В этой сложной обстановке в 1644 г. оказался уничтоженным передовой отряд Пояркова. Тем не менее, поскольку обратный поход вверх по Амуру и Зее был трудным и более опасным, поярковцы решили спуститься вниз по Амуру: от москвитинцев они уже знали, что с устья Амура смогут Охотским морем дойти до Ульинского зимовья. Лишь в 1977 г. выяснилось, что в отряде Пояркова был толмач, который еще в походе Москвитина собирал первичную информацию о землях и народах Дальнего Востока.

Прибыв в «землю гиляков» (нивхов), поярковцы первыми из русских начали с ними товарообмен и получили от них новую информацию о жителях Сахалина, Татарском проливе и его ледовом режиме (2).

В литературе часто утверждают, что поход В. Д. Пояркова был чисто разведывательным походом. На самом деле В. Д. Поярков уже помышлял о присоединении всего Приамурья к владениям России, но из-за «малолюдства» его отряд собрал ясак лишь в верховьях Зеи и в богатой «земле гиляков» (нивхов), откуда даже вывез первых аманатов.

Историко-этнографические данные вновь найденных архивных документов XVII в. показали, что первые сведения о существовании пути в верховья Амура по Олёкме и Тунгирю были получены русскими также от эвенков — от Ладыкана в Якутске еще в 1642 г. и от эвенков-бираров в конце 1643 г. в верховьях Зеи. С середины 40-х гг. несколько русских землепроходцев «провели» новый путь. Из источников видно, что главную роль в этих поисках играли казаки А. Я. Олень, В. Юрьев, промышленные люди Г. Г. Выживцев и М. Я. Ворыпаев, которые создали первые два промысловых зимовья на Тунгире, откуда С. А. Косой и И. И. Квашнин первыми из русских дошли до верховьев Амура. Таким образом, Я. П. Хабаров отнюдь не был первооткрывателем данного пути, как то иногда утверждается в литературе: он просто воспользовался открытиями своих предшественников.

Новые документы, выявленные в ЦГАДА, проливают дополнительный свет и на то, как были организованы два похода Я. П. Хабарова по Амуру и какой характер носили первые контакты участников этих походов с верхнеамурскими даурами. Существенно была уточнена история создания временных русских поселений Я. П. Хабарова на Амуре, в частности, анализ историко-этнографических данных позволил опровергнуть четыре гипотезы о местоположении его Ачан-

ского городка 1651—1652 гг. и по документам установить, что русские Ачанским или «Отщанским» улусом называли нанайское селение Оджал-Болонь (6). Определено также и откуда возник этноним «ачаны» (79): он оказался искаженным названием нанайского рода «оджал». Выяснилось также, что ушедшая от Я. П. Хабарова осенью 1652 г. группа казаков во главе с С. В. Поляковым смогла добыть информацию в нивхском селении Маго («Махонском улусе») даже о «чижемах» (японцах). И это было в ту эпоху, когда ближайшие поселения японцев находились лишь на южной оконечности острова Хоккайдо. Так было установлено, что русские узнали о существовании японцев на 45 лет раньше, чем это до сих пор считалось. Позднее, в 1674 г., сведения о «чижемах» С. В. Поляков поведал в Москве Н. Г. Спафарию, который первым в России определил, что «чижемы» — это японцы (32, 44, 50).³

Глава третья. РУССКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В СЕРЕДИНЕ XVII в.

Благодаря обнаружению челобитья первооткрывателей Колымы окончательно установлено, что впервые русские из объединенного отряда М. В. Стадухина — Д. М. Зыряна достигли устья реки с моря в середине июля 1643 г. Выяснена также последовательность создания первых русских зимовьев на Колыме. Существенно уточнена история плавания С. И. Дежнева на Анадырь в 1648 г. Находка ранее неизвестных челобитных Дежнева позволила: установить обстоятельства его назначения приказным похода (22); выяснить, что этот поход начался из Средне-Колымска, а не Нижне-Колымска, как считалось ранее (10), и, что особенно важно, по-новому истолковать сообщения Дежнева о «Большом каменном носе» (9, 24).

В документах XVII—XVIII вв. восточные чукчи делились на две основные группы: «решные» и «носовые». «Решные» — обитавшие вблизи нижнего Анадыря и «носовые» — живущие на «Носу» — на Чукотском полуострове. Иногда Чукотский полуостров называли «Анадырским» или «Чукоцким» носом. Понятия «нос» и «Заносье» (Прианадырье) возникли после плавания Дежнева, а поэтому и встал вопрос: если с середины XVII в. «носом» называли весь Чукотский полуостров, то почему мы должны считать, что Дежнев под «Большим каменным носом» имел в виду только один мыс Дежнева или

³ Эти факты вызвали интерес в Японии еще с 1958 г. Наиболее подробно о них рассказал в Токио в мае 1975 г. на XVII международной конференции востоковедов К. Е. Черевко (см.: «Вестник Академии наук», 1972, № 11, с. 100).

одну какую-либо часть восточной оконечности Чукотского полуострова, тем более, что в XVII в. слово «полуостров» в русском языке еще не существовало и все полуострова — большие и малые — именовались «носами».

Еще в 1962 г. соискатель впервые доказал (9), что исследователи пользовались существенно искаженным текстом отписки С. И. Дежнева 1655 г. Так, утверждалось, что в отписке Дежнева будто бы было сказано: «нос поворотит КРУГОМ к Онандыре реке ПОДЛЕГЛО». Но оказалось, что в подлиннике эта фраза читалась: «нос поворотит КРУТО к Онандыре реке ПОД ЛЕТО» (9, 24), что и позволило по-новому интерпретировать сообщение Дежнева о «Большом каменном носе». В отписке эта характеристика следует сразу за описанием реки Анадырь. Изучение источников показало, что поморы и сибиряки в ту пору часто давали характеристики «носов» от устьев рек («под которым ветром... от устья»). Поэтому и характеристика «Большого каменного носа» явно дается ОТ УСТЬЯ АНАДЫРЯ: «промеж сивер на полуношник».

Новое толкование показало, что в характеристике «Большого каменного носа» нет никакого противоречия, когда в одном случае говорится «тот нос вышел в море далеко», а в другом сказано «а доброго побегу от носа до Онандыри реки трои сутки, а боле нет», ибо в одном случае идет речь о самой дальней части Чукотского полуострова, которая «пошла далеко в море», т. е. о районе мыса Дежнева, а в другом — о самой ближайшей его части со стороны Анадырского устья.

Б. О. Долгих и С. В. Обручев первыми поддержали вывод соискателя, что С. И. Дежнев под «Большим каменным носом» подразумевал весь Чукотский полуостров (на юго-западе от залива Креста). Только М. И. Белов (1963 г.) пытался это оспаривать, на что соискателем был дан в печати развернутый ответ в 1965 г. (24). В ноябре 1971 г. на XI международной конференции по истории географических открытий Р. Фишер сделал доклад, в котором подробно остановился на полемике соискателя с М. И. Беловым. Позже, в 1973 г., он опубликовал об этом статью в журнале «Теггае Incognitae» (Амстердам), а в 1981 г. издал книгу о С. И. Дежневе (о ней см. 91). В этих изданиях он поддержал главные новые положения соискателя.

Тот факт, что после получения сообщений С. И. Дежнева о «Большом каменном носе» (Чукотском полуострове) во всей Сибири и в Москве стали считать, что река Анадырь находится за носом», говорит о том, что открытие Чукотского полуострова — крайней северо-восточной оконечности Азии

сразу же стало широко известным. Именно благодаря этому русские впервые узнали, что сухопутный путь на Анадырь гораздо короче морского.

Широко использовались историко-этнографические данные и для существенного уточнения многих подробностей исторического похода М. В. Стадухина 1647—1657 гг. — с Лены на Колыму, Анадырь, Пенжину и Тауй с возвращением в Якутск через Охоту.

Глава четвертая. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЕЖИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЗЕМЕЛЬ XVII ВЕКА

После того, как еще в середине XVII в. русским землепроходцам при содействии информаторов из числа местных жителей удалось собрать самые разнообразные сведения о многих землях и народах Дальнего Востока, возникла необходимость всю накопленную информацию как-то обобщить. В Якутске началось составление первых росписей дальних русских острожков и зимовьев. Но особо важную роль в получении общих представлений о восточных землях сыграли первые географические чертежи.

Картографы внесли немалый вклад в изучение истории картографии XVIII—XX вв. Однако для понимания логики развития **ранней** русской картографии работы этнографов представляют неизмеримо большую ценность. Монография этнографа Б. Ф. Адлера «Карты первобытных народов» показала, во-первых, что примитивная картография возникла у большинства народов до появления письменности, во-вторых, что в истории ранней картографии разных народов можно выделить период широкого распространения путевых чертежей: первоначально примитивных, без каких-либо надписей, затем — с постепенно возрастающей нагрузкой (68 и др.). Особенно часто они создавались в XVII в.

Исследования соискателя показали, что самым первым русским чертежом Дальнего Востока следует считать чертеж Курбата Иванова 1642 г., в котором был изображен путь «куда ходили люди Дмитрия Копылова», т. е. Иван Москвитин и его товарищи (5). Этот чертеж, составленный по данным москвитинцев, вошел в состав своеобразной чертежной книги Ленского края, законченной в 1642 г. в Жиганах по заданию якутского воеводы П. П. Головина. Новая серия путевых чертежей была создана во время амурских походов В. Д. Пояркова (2), Я. П. Хабарова (20, 68), во время пребывания С. И. Дежнева на р. Анадыре и похода М. В. Стадухина с Колымы через Анадырь до Тауя и Охоты.

По опросу бывалых людей осенью 1667 г. в Тобольске также составлялись путевые чертежи различных рек, в том

числе Амура и Колымы. Они были «сбираны» вместе и вошли в состав многолистного чертежа Сибири 1667 г. К ним же были сделаны примитивные схематические чертежи всей Сибири, которые дошли до нас в пяти различных копиях: двух русских и трех шведских. Исследования (13, 26, 31, 46, 68) позволили, во-первых, понять, почему общие схематические чертежи Сибири 1667 г. оказались примитивнее, чем ранее составленные сибирские путевые чертежи, во-вторых, определить, почему существуют противоречия между общими чертежами и дошедшими до нас росписями чертежа Сибири 1667 г.

Аналогичную многолистную структуру имели чертеж Сибири 1673 г. (55), отчетный чертеж Н. Г. Спафария 1675—1678 гг. (35) и чертеж части Сибири С. У. Ремезова 1697 г. (78). Последний имел сводный чертеж + чертежную книгу, «чертежи с урочищи» которой дошли до нас в копиях в так называемой «Хорографической книге». В Сибири эту структуру заимствовали из более ранних московских чертежей, в частности из «старого чертежа» и чертежа «поля» (территории от Москвы до Крыма), описанных в «Книге Большому чертежу», которые, как выяснилось, также имели в своем составе чертежи сводные, многолистные путевые и простые росписи.

Таким образом, изучение сибирской картографии XVII в. позволило по-новому решить давно волновавшую исследователей проблему структуры Большого чертежа (68, 74). Анализ же содержания сибирских географических чертежей XVII в. помог получить ответ и на ряд других важных вопросов истории географических открытий на Дальнем Востоке, например, раскрыть истинное происхождение «Сказания о великой реке Амуре» (50), существенно уточнить историю появления реки Камчатки на сибирских географических чертежах (62) и др.

Глава пятая. ОТКРЫТИЕ РУССКИМИ КАМЧАТКИ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

В первой половине XVIII в. русские неоднократно слышали от ительменов верхней Камчатки рассказы о том, что еще в середине XVII в. какая-то группа русских людей жила в двух избах, поставленных в низовьях реки Никул, левого притока р. Камчатки. Развалины этих изб видели еще в XVIII в. многие русские — от И. П. Козыревского до участников Второй Камчатской экспедиции. Следовательно, **первые русские люди появились в центральной части полуострова Камчатка еще в середине XVII в.**

Архивные изыскания соискателя показали, что русские неоднократно бывали на полуострове Камчатка во второй по-

ловине XVII в. В 1961 г. в ЦГАДА удалось обнаружить якутское дело 1668 г., из которого стало впервые известно, что в начале 60-х гг. XVII в. группа русских во главе с анадырским приказным казачьим десятником И. М. Рубцом совершила «за Носом» поход «вверх реки Камчатки» (15, 35 и др.). Через несколько месяцев после возвращения Рубца на Лену в 1668 г. в Якутске решили послать на реку Камчатку казачьего десятника И. Ермолина, ранее несколько лет прослужившего на Гижиге (67). Обнаружен также документ, из которого стало впервые известно, что в 1676 г. воевода А. А. Барнешлев допрашивал в Якутской приказной избе И. Рубца, дежневца А. Солдата и казачьего пятидесятника Ф. Я. Кузнецца о «землицах», расположенных южнее Анадыря. Тогда-то в Якутске было впервые записано сообщение о камчатских морских бобрах-каланах.

Таким образом, изображение реки Камчатки, появившееся на некоторых тобольских общих чертежах всей Сибири 1667—1690 гг., было основано на сообщениях, доставленных русскими землепроходцами, лично бывавшими на полуострове Камчатка.

Главную же роль в первоосвоении русскими Камчатки безусловно сыграл исторический поход Владимира Атласова 1696—1699 гг.

Давно уже в литературе утверждается, что Атласов был «случайно забредшим в Сибирь крестьянином» из района Великого Устюга. На самом деле он оказался сыном умершего 3 июля 1682 г. якутского казака Владимира Отласа (11) и на Камчатку отправился в более молодом возрасте, чем это до сих пор считалось. В серии статей соискателя существенно уточнены биография В. В. Атласова и его камчатский поход.

По-новому воссоздается история русских открытий на Камчатке в начале XVIII в.: открытие отрядом Преснецова лучшей естественной гавани Камчатки — Авачинской губы в 1703 г. (31 и др.), открытие Паужетки и других соседних западнокамчатских термальных источников (19). Уточнены история появления на Камчатке первых Козыревских (27, 72) и датировка нескольких ранних чертежей полуострова Камчатка, копии которых оказались в «Служебной чертежной книге» С. У. Ремезова, а также в бумагах Д. Г. Мессершмидта (51 и др.). На основе этих чертежей в 1721 г. был сделан еще один «чертеж Камчадали», который по заказу русского правительства в 1722 г. издал известный нюрнбергский картограф И. Б. Гоман. Так появился самый первый **печатный** чертеж русского Дальнего Востока — от Чукотки до устья Амура, включая Шантарские и Курильские острова (37).

Все эти данные ясно показывают, что мировая география обязана получением первых сведений о Камчатке **только русским землепроходцам.**

Глава шестая. ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ СО СТОРОНЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Существование морского пути из Ледовитого океана в Тихий стало известно со времени плавания С. И. Дежнева 1648 г., что и нашло отражение с 1667 г. на нескольких общих чертежах Сибири. Именно это и позволило автору **древнейшего, дошедшего до нас труда о Сибири на польском языке** — Адаму Каменскому-Длужнику еще в начале 70-х гг. XVII в. сочинить рассказ о трудном морском плавании **от устья Лены, мимо Индигирки до далекого устья Амура.** По документам удалось установить, что во время своей службы в Якутске Каменский-Длужник лично был знаком с Семеном Дежневым и Михаилом Стадухиным и, очевидно, на основании их сведений, знал, что между Леной и Амуром можно совершить морское плавание (60 и др.).

Из найденного документа 1697 г. стало известно, что плавание из Ледовитого океана в Тихий хотел организовать и ближайший сподвижник Петра I глава Сибирского приказа А. А. Виниус (17). В том же 1697 г. участник русского «Великого посольства» Ф. Салтыков в Голландии в присутствии Петра I заверял Н. Витсена, что плавание из Ледовитого океана в Тихий до реки Амура вполне реально (57). Вместе с тем русские знатоки западноевропейских атласов, карт и глобусов уже во второй половине XVII в. были уверены, что Америка расположена где-то к востоку от Азии (16, 43 и др.). Поэтому и Петр I еще с конца XVII в. стал помышлять о скорейшем проникновении русских в ту часть северо-западного берега Америки, которая еще не была известна европейцам. Выход русских на западный берег Северной Америки должен был стать естественным продолжением давно уже идущего продвижения русских «встреч солнца» (86 и др.).

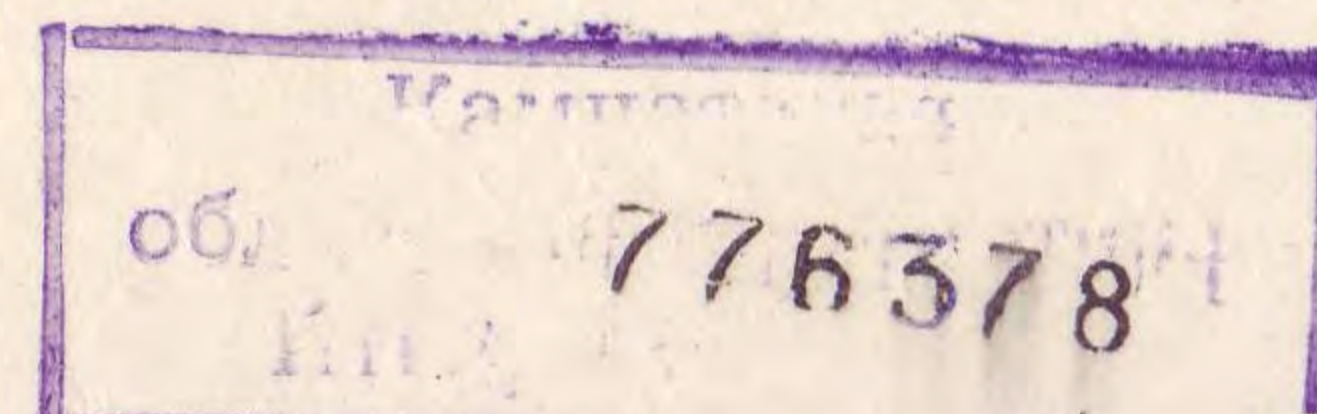
Вскоре после того, как было совершено успешное первое плавание через открытое море из Охотска к западному берегу Камчатки (1716 г.), Петр I решил, что настало время для начала поисков по морю ближайших от Камчатки берегов Америки. С этой целью он и отправил на Тихий океан геодезистов И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина (28).

Сорок лет тому назад возникла дискуссия относительно «истинных целей» экспедиции Евреинова и Лужина 1719—1721 гг. Тот факт, что Евреинов и Лужин отправились в плавание с Камчатки на юг вдоль Курильских островов, создал

у некоторых историков впечатление, что у Евреинова и Лужина были какие-то особые секретные цели, а «поиск берегов Америки» был лишь камуфляжем, «официальной версией». Но здесь оказалось забытым главное: еще участники голландской экспедиции Г. де Фриса 1643 г. высказывали предположение, что северо-западный берег Америки подходит вплотную к южным Курилам. Голландские моряки в 1643 г. даже приняли берега острова Урупа («Земли Компании») за берега Америки. Петр I знал о плавании де Фриса и о голландских предположениях. Поэтому экспедиция Евреинова и Лужина вполне сознательно отправилась вдоль Курил и, естественно, открыть там берега Америки она не могла. Но Петр I на этом не успокоился: в декабре 1724 г. он решил организовать новое плавание с целью поиска ближайших от Камчатки берегов Америки.

Свои планы в отношении Америки Петр I хранил в секрете, поскольку уже одни сообщения об организации таких экспедиций могли бы вызвать у иностранцев желание опередить русских. Он сознательно старался создать впечатление, что, организуя экспедицию Беринга, лишь исполняет пожелания западноевропейских ученых — решает чисто географическую задачу — выясняет, соединяется ли Азия с Америкой. И эту официальную версию по внешнеполитическим соображениям в России поддерживали в течение длительного времени в XVIII в.

Основную секретную инструкцию вручили Берингу в день его отъезда из Петербурга — 5 февраля 1725 г., через неделю после смерти Петра I. Ее текст давно уже вызывал различные сомнения и толкования. Истинное значение этой инструкции можно понять, лишь используя переданные Берингу печатные карты нюрнбергского картографа И. Б. Гомана — «карту Камчадали» 1722 г. и карты Северной Америки (14, 28, 37, 64, 86). Именно по ним видно, что Петра I особо заинтересовала мифическая земля, «которая идет на нрд», показанная на карте Гомана восточнее Камчатки. И он желал выяснить, соединяется ли «ТА земля» с Америкой или она отделена от нее «проливом Аниан» (14, 28, 30, 34, 64). Петр I явно стремился к тому, чтобы закрепить за Россией по праву первооткрытия всю ту часть северо-западного берега Америки, до которой тогда еще не доплывали ни испанцы, ни англичане. Но при отъезде из Петербурга Беринг не получил необходимых разъяснений и после своего ознакомления в Енисейске с картой Татари Н. Витсена 1690 г. неправильно истолковал содержание инструкции Петра I, из-за чего поплыл НЕ к берегам Америки, а к берегам Чукотки (64). Это и способствовало возникновению легенды о том, что Петр I будто

бы стремился выяснить, есть ли пролив между Азией и Америкой в районе Чукотки. На самом деле этот вопрос его тогда уже не интересовал, так как на всех русских картах начала XVIII в. Чукотка изображалась в виде полуострова. А на нескольких чертежах — П. Попова 1711 г., И. Львова 1716 г. и на заказанной Петром I карте Камчадалии 1722 г. уже имелось изображение пролива между Чукоткой и «Большой землей» (Аляской) с двумя островами, в которых нетрудно узнать острова Диомида.

Американский историк Р. Фишер, хорошо изучивший работы советских авторов, счел возможным в 1977 г. эти новые выводы соискателя положить в основу своей монографии о Беринге (87). По его мнению, именно работы соискателя «сняли все неясности в толковании инструкции Петра» и дали наиболее правдоподобное толкование причин организации Камчатских экспедиций. Эти же новые выводы привлекли внимание многих других зарубежных историков Тихого океана.

Когда правительство обвинило Беринга в невыполнении инструкции Петра I, он сразу же выразил готовность исправить свою ошибку и организовать Вторую Камчатскую экспедицию прежде всего ради поиска ближайшего пути к берегам Америки от южной оконечности полуострова Камчатка и южнее фантастической земли, изображенной к востоку от Камчатки. Потому-то на этот раз в качестве новой базы экспедиции была избрана Авачинская губа. Так был основан Петропавловск-на-Камчатке.

Беринг и Чириков искренне считали, что они в 1741 г. первыми из русских смогли достичь берегов Америки со стороны Дальнего Востока. Но позже выяснилось, что честь этого первооткрытия принадлежит М. Гвоздеву и И. Федорову, которым еще в 1732 г. удалось первыми из русских увидеть берега «Большой земли», оказавшейся не особым островом, а частью американского континента (88 и др.).

План Петра I относительно освоения западного берега Северной Америки не был осуществлен в середине XVIII в. по ряду причин. Берег Америки оказался гораздо дальше, чем на это рассчитывали в России, расходы на экспедицию превзошли все ожидания. Не обладая дальновидностью Петра, его преемники решили переложить бремя расходов по освоению тихоокеанских земель на плечи купцов-промышленников, которые, естественно, первоначально сосредоточили свое внимание на более близких и богатых Алеутских островах.

Освоение Алеутских островов отсрочило начало возникновения Русской Америки на 40 лет, но оно способствовало существенному расширению знаний русских о северной части

Тихого океана, в частности М. В. Ломоносова, что ясно видно из его второй полярной карты 1764 г., ранний вариант которой был атрибутирован соискателем в 1976 г. (73 и др.). Анализ этой карты помог понять, каким образом М. В. Ломоносов, находясь в Петербурге, правильно определил, что «остров Алакшак» (Аляска) был на самом деле полуостровом Северной Америки.

Только в самом конце XVIII в. после освоения всей Алеутской гряды Г. И. Шелихов стал основателем Русской Америки. Соперники России (испанцы и англичане) смогли опередить русских и занять значительную часть северо-западного берега.

Уточненная по первоисточникам история деятельности Г. И. Шелихова и его сподвижников была соискателем подробно изложена как в отдельной книге о Шелихове (4), так и во введении, заключении и комментариях к подготовленному соискателем единственному советскому изданию книги Г. И. Шелихова (45).

Глава седьмая. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ НА ЮЖНОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ОТ СЕРЕДИНЫ XVIII ДО СЕРЕДИНЫ XIX вв.

В двух книгах соискателя — об освоении русскими Сахалина (3) и Курильских островов (90) — дана подробная сводка сведений о деятельности русских на **островах южной части Дальнего Востока** еще до конца XVIII в. Особенно подробно воссоздается история русских исследований на южных Курилах. В частности, показано, что южнокурильские айны признали власть России в те времена, когда правительство Японии еще строжайше запрещало японцам посещать Курильские острова, находившиеся за пределами их империи.

В 1799 г. был осуществлен главный замысел тогда уже умершего Г. И. Шелихова: возникла монопольная промысловая Российско-американская компания, что позволило ускорить освоение берегов Северной Америки. В этих условиях в самом начале XIX в. организация первого кругосветного плавания стала необходимостью. Хотя плаванию И. Ф. Крузенштерна посвящена обширная литература, все еще существует немало неопубликованных документов, которые дополняют его историю, — дневники М. И. Ратманова, Е. Е. Левенштерна и др. Особенно полезными оказались давно уже разыскивавшиеся дневники Н. П. Резанова. В их сахалинской части характеризуется положение айнов, изменившееся в самом начале XIX в. Резанов установил, что японцы стали заниматься сезонной рыбной ловлей в заливе Анива лишь с 90-х гг. XVIII в. Поскольку японцы начали жестоко эксплуатировать айнов, последние обратились к русским с просьбой

скорее освободить их от своих поработителей. Поэтому-то Н. П. Резанов и принял решение при первой возможности удалить японцев как с южного Сахалина, так и с южных Курил, тем более что они там появились явно в нарушение законов самой Японии. Уже в 1806 г. Н. П. Резанов направил на южный Сахалин и южные Курилы своего подчиненного — лейтенанта Н. А. Хвостова с заданием оказать помощь айнам.

Находка в 1953 г. «экстракта» из корабельного журнала фрегата «Юнона» позволила соискателю во всех подробностях восстановить историю первых контактов Н. А. Хвостова и его команды с айнами залива Анива. Прежде всего удалось узнать, как еще 8/20 октября 1806 г. Н. А. Хвостов и его ближайшие помощники лейтенант Ф. М. Карпинский и корабельный подмастерье И. П. Корюкин в первом же айнском селении на западном берегу мыса Анива провели торжественную церемонию подъема военного и коммерческого флагов в знак официального принятия всего Сахалина и его народов в подданство России (3 и др.).

В июне 1807 г. Н. А. Хвостов (на этот раз вместе с мичманом Г. И. Давыдовым) вновь побывал в заливе Анива. К сожалению, собранная ими информация оказалась забытой, а она содержала немало полезных данных, уточняющих историю русских географических открытий на Дальнем Востоке. Так, например, выяснилось, что от южносахалинских айнов Хвостов смог получить сообщение о проливе, отделяющем Сахалин от азиатского континента. Аналогичное известие японцы получили от тех же айнов лишь год спустя, что и привело к организации известного путешествия японского разведчика Мамия Ринзо в Татарский пролив и в Приамурье в 1808—1809 гг.

В 1968 г. соискатель опубликовал подробный очерк истории исследования Татарского пролива (32), в котором были обобщены различные русские сведения о проливе за два века. Оказалось, что с середины XVII и до начала XIX вв. все русские считали Сахалин **островом** и лишь в начале XIX в. И. Ф. Крузенштерн первым из русских поверил в легенду о том, что Сахалин будто бы является полуостровом. Впервые версия о **полуострове** возникла в Японии. На карте японца Хаяси (Рин Сихея) 1786 г. «Карафуто» (Сахалин) уже был изображен как азиатский полуостров. Побывавший в 1787 году в Татарском проливе Ж. Ф. Лаперуз, увидев, как орочи показывали с помощью чертежа на песке место переезда между материком и островом, ошибочно решил, что они изобразили ему перешеек, соединяющий Сахалин с материком. Но если Лаперуз высказывал это в качестве предположения и еще в атласе его плавания Сахалин был назван

«островом», то английский мореплаватель У. Броутон, доверившись информации своего офицера Чэпмана, в 1804 г. уже без каких-либо оговорок стал именовать Сахалин «полуостровом». Это способствовало тому, что в полуостровное положение Сахалина уверовал и сам И. Ф. Крузенштерн. Но в 1808 г. в первом русском указе о Сахалине речь шла об «острове». Лишь с 1810 г. легенда о полуострове стала быстро распространяться по России. Однако исследования соискателя показали, что и в 20—40-х гг. в России многие отказывались считать Сахалин полуостровом (см. 32, 39). Именно поэтому инструкция 1848 г. и обязывала Невельского выяснить: «открыт или нет лиман с юга».

Еще в 1953 г. соискателю удалось выявить ряд весьма ценных документов по истории плавания Г. И. Невельского 1849 г. к берегам Сахалина, к устью Амура и в Татарский пролив (21) — и среди них забытый подробный отчет самого Г. И. Невельского о его историческом плавании 1849 г. (1, 23, 52 и др) и рапорты его ближайших помощников, на основании которых был написан упомянутый отчет самого Невельского (21, 47, 52). Из этих документов ясно видно, что нивхи Сахалина и устья Амура сообщили спутникам Г. И. Невельского ряд ценных сведений о Татарском проливе заблаговременно. Поэтому Г. И. Невельский шел в пролив фактически проверять информацию, полученную от местных нивхов, и эта проверка оказалась весьма успешной: именно Невельский первым убедился, что по Татарскому проливу могут плавать даже морские суда с малой осадкой. Это важное открытие ясно показало, что в устье Амура можно проникнуть не только с севера, но и с юга. Тогда-то резко и возросло в России беспокойство за будущее устья Амура.

В ноябре 1971 г. известный японский филолог и библиограф А. Такано выступил на конференции в университете Васеда в Токио с докладом «Б. П. Полевой и его критика Мамия Ринзо». С одной стороны, он дал в этом докладе краткую информацию о имеющихся в работах соискателя (2, 3, 8, 12, 21, 32) ранних русских сведениях о Татарском проливе, а с другой — повторил традиционные японские утверждения, что де подлинным первооткрывателем пролива следует считать Мамия Ринзо (1808—1809 гг.). В октябре 1973 г. этот доклад был опубликован в «Бюллетене японской ассоциации русистов» (№ 5, с. 1—12). В связи с этим необходимо еще раз повторить, что труды Мамия, безусловно, являются ценным источником исторических и этнографических сведений о Сахалине и Приамурье. Но считать его первооткрывателем Татарского пролива нельзя, так как в русских исторических источниках XVII—XVIII вв. Сахалин неизменно назывался

островом, а в некоторых из них даже содержались сведения о южной части Татарского пролива (см. 2, 3, 32).

Как видно из найденных документов 1849 г., Невельской и его соратники внимательно изучили образ жизни местных жителей с тем, чтобы как можно скорее установить с ними наилучшие отношения, получить от них более полную географическую информацию и самую разнообразную помощь. Собранная тогда Г. И. Невельским и его сподвижниками этнографическая информация стала предметом двух специальных исследований соискателя (1, 52). Довольно быстро Невельской и его соратники смогли обеспечить себе поддержку со стороны местного населения (1, 63), что способствовало основанию уже в 1850 г. около устья Амура первых русских поселений: 29 июня — Петровского зимовья, а 1 августа — Николаевска-на-Амуре. Своевременность всех этих действий доказывается анализом международной обстановки, создавшейся на Дальнем Востоке в конце 40-х гг. XIX в. Для понимания главных особенностей этой обстановки важное значение имеют тексты атрибутированных соискателем в 1959 г. давно уже искомым исследователями статей петрашевца А. П. Баласогло (бывшего сотрудника архива министерства иностранных дел), переданных в 1847 г. новому генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву (7). Уже тогда А. П. Баласогло предупреждал, что заокеанские иностранцы вполне могут вклиниться в пустующие земли между владениями России и Китая, и потому призывал прежде всего оградить эти земли с моря.

Информация, полученная от нивхов, усилила интерес Г. И. Невельского и его сподвижников к острову Сахалину. В 1953 г. в числе обнаруженных соискателем новых документов о деятельности сподвижников Невельского в Приамурье и на Сахалине в 1851—1853 гг. (21) особый интерес представляли рапорт и карта, составленные Н. К. Бошняком во время его сахалинской экспедиции 1852 г. Для этнографов весьма полезным оказался и составленный Бошняком полный перечень нивхских селений в средней части Сахалина — на западном берегу острова и на реке Тымь. Тогда же была опровергнута легенда о находке Н. К. Бошняком листка с известием о пяти матросах, будто бы оставленных Н. А. Хвостовым на Сахалине (21). Историко-этнографические данные рапортов сподвижников Г. И. Невельского позволили уточнить и историю открытия замечательного залива Хаджи, теперь — Советской гавани. Выяснилось, что тут особое значение имела информация, полученная Г. Д. Разградским от орочей и нивхов на озере Кизи (80). Подробно была изучена деятельность в русских дальне-

восточных водах и моряка В. А. Римского-Корсакова. Его письма, записки и статьи содержали полезные сведения об истории Сахалина и Приамурья. В 1980 г. они были опубликованы соискателем (84) отдельной большой книгой.

Немало новых документов удалось обнаружить и по истории Камчатки XIX в. (80 и др.).

Серия статей соискателя уточняет историю русских открытий в южной части Дальнего Востока в период после окончания Крымской войны до экспедиций В. К. Арсеньева включительно.

Закключение. Вся история русских географических открытий на Дальнем Востоке и в северной части Тихого океана ясно показывает, что в XVII—XVIII вв. основным стимулом открытий был поиск новых богатых районов пушного промысла. В некоторых случаях в XVII веке к этому добавлялся поиск моржовой кости, полезных ископаемых и «пахенных мест».

С конца XVIII в. существенную роль начали играть и вопросы укрепления безопасности русских тихоокеанских владений. К середине XIX в. стало очевидно, что экономически отсталая Россия не сможет противодействовать иностранным капиталистическим хищникам на северо-западном берегу Америки. Поэтому был взят курс на ликвидацию русских владений в Америке и на укрепление русских азиатских владений, что и привело к новым важным географическим открытиям в южной части Дальнего Востока.

Всем своим содержанием представленная диссертация доказала, что изыскания историко-этнографические в сочетании с архивными необычайно полезны для углубленного изучения истории русских географических открытий.

Вопросам, рассмотренным в диссертации, посвящено 216 опубликованных работ соискателя (общим объемом свыше 130 п. л.). Основные из них:

1. Этнографические наблюдения Г. И. Невельского (1849 год). — Сов. этнография [СЭ], 1955, № 4, с. 106—116.
2. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.). — Изв. ВГО, 1958, № 6, с. 547—551.
3. Первооткрыватели Сахалина. — Южно-Сахалинск: обл. изд., 1959, 120 с.
4. Григорий Шелихов. — Магадан: обл. изд., 1960, 48 с.
5. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья. — Изв. ВГО, 1960, № 1, с. 46—52.
6. О местонахождении Ачанского городка. — Сов. археология, 1960, № 3, с. 328—333.
7. Опознание статей петрашевца А. Баласогло о Сибири, Дальнем Востоке и Тихом океане (1847 г.). — История СССР, 1961, № 1, с. 152—156.

8. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура? — Мат. отд. истории геогр. знаний ГО СССР, 1962, вып. 1, с. 64—76.
9. Находка подлинных документов С. И. Дежнева о его историческом походе 1648 г. — Вестн. ЛГУ, 1962, № 6, с. 145—152.
10. О местоположении первого русского поселения на Колыме. — Докл. ин-та геогр. Сиб. и ДВ [ДИГС], 1962, № 2, с. 66—75.
11. Новые биографические сведения о Владимире Атласове. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1963, № 5, с. 90—92.
12. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан. — Тр. Томск. обл. краев. музея, 1963, т. VI, вып. 2, с. 21—38.
13. О «печатном» чертеже Сибири 1667 г. — Сиб. геогр. сборник [СГС]. — Л.: Изд. АН СССР, 1963, вып. 2, с. 248—257.
14. Главная задача Первой Камчатской экспедиции по замыслу Петра I. (О новой интерпретации инструкции Витусу Берингу 1725 г.). — Вопр. геогр. Камчатки [ВГК], 1964, вып. 2, с. 88—94.
15. Забытый поход И. М. Рубца на Камчатку в 60-х гг. XVII века. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1964, № 4, с. 130—135.
16. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII в. — СГС, 1964, вып. 3, с. 224—270.
17. Водный путь из Ледовитого океана в Тихий. Забытый наказ А. А. Виниуса 1697 г. — Природа, 1965, № 5, с. 94.
18. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII в. (О сочинении Адама Каменского-Длужика.) — СЭ, 1965, № 5, с. 122—129.
19. Казачья «скаска» 1707 г. о камчатских гейзерах и Ключевской сопке. — ВГК, 1965, вып. 3, с. 119—123.
20. Находка челобитья первооткрывателей Колымы. — В сб.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. — Новосибирск: Наука, 1965, с. 285—291.
21. Новое о Г. И. Невельском. — В сб.: Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках. — Л.: Наука, 1965, с. 93—108.
22. Новое о начале исторического плавания С. И. Дежнева 1648 г. — Изв. Вост.-сиб. отд. ГО, 1965, т. 63, с. 51—57.
23. Новое о транспорте «Байкал». — Зап. Приморск. филиал ГО СССР. — Владивосток, 1965, т. 24, с. 123—126.
24. О точном тексте двух отписок Семена Дежнева 1655 г. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1965, № 2, с. 101—111.

25. Семен Ремезов и Владимир Атласов. (К уточнению датировки ранних чертежей Камчатки.) — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1965, № 6, с. 92—101.
26. Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1966, № 4, с. 123—132.
27. Камчатские берестяные ясачные книги XVIII в. — ВГК, 1966, вып. IV, с. 124—127.
28. Из истории открытия северо-западной части Америки (от первого известия сибирских землепроходцев об Аляске до петровского плана поиска морского пути к Америке). — В сб.: От Аляски до Огненной Земли. — М.: 1967, с. 107—120.
29. О происхождении названия «Камчатка». — В кн.: Кускова В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. — Петропавловск: Камч. обл. изд., 1967, с. 96—112.
30. Землепроходцы XVII в. и изучение Сибири. — В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). — Новосибирск: Наука, 1968, с. 20—40 (соавтор А. Н. Копылов).
31. Кем и когда была открыта Авачинская губа? — В кн.: Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. (Труды ДВ фил. АН СССР, т. VI.) — Владивосток, 1968, с. 77—81.
32. К истории открытия Татарского пролива. — Страны и народы Востока [СНВ]. — М.: Наука, 1968, вып. VI, с. 68—87.
33. К трехсотлетию «Годуновского» чертежа Сибири 1667 г. — ДИГС, 1968, вып. 17, с. 66—73.
34. Начало изучения Сибири. — В кн.: История Сибири. — Л.: Наука, 1968, т. 2, с. 153—178 (соавтор А. Н. Копылов).
35. Географические чертежи посольства Н. Г. Спафария. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1969, № 1, с. 115—124.
36. О пребывании в России Адама Каменского-Длужика... — В кн.: История русско-польских контактов в области геологии и географии. — Варшава, 1969, с. 50—53. (Переиздана на польском языке).
37. О карте «Камчадали» И. Б. Гомана. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1970, № 1, с. 99—105.
38. О «Погыче» — Похаче. — ВГК, 1970, вып. 6, с. 82—86.
39. Poleмика литераторов: «Сахалин остров или полуостров?» (1824—1842 гг.). — Изв. Сах. отд. ГО СССР, 1970, вып. 1, с. 250—257.
40. Сахалин в истории России (середина XVII — начало XIX вв.). Историко-географические изыскания. Автореферат. — Л.: ГО СССР, 1970, 20 с.
41. Сообщение С. И. Дежнева о «Большом каменном носе» и происхождение его ложного толкования. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1970, № 6, с. 150—157.

42. Амур — «слово московское». Древнейшие русские известия о великой реке. — В сб.: Амур — река подвигов. — 2-е изд. — Хабаровск: обл. изд., 1971, с. 178—192. (Переиздано в журнале «Дальний Восток», 1972, № 1, с. 136—142.)

43. Николай Витсен о близости Америки к Азии и этнических связях между ними. — В сб.: Наука и техника. Вопросы истории и теории [ИТ], вып. VI. — Л.: Наука, 1971, с. 120—122.

44. Первые известия сибирских казаков о японцах (1652—1653 гг.). — В кн.: Кратк. сод. докл. годичной научн. сессии Ин-та этнографии АН СССР [КСДГНСИЭ]. Ленинград, 1970. — Л.: 1971, с. 55—57.

45. Предисловие, послесловие и комментарии к первому советскому изданию «Странствований» Г. И. Шелихова. — Хабаровск: обл. изд., 1971, с. 1—34, 113—170.

46. Commemorating the three hundredth Anniversary of the «Godunov map» of Siberia. — The Canadian Cartographer, June, 1971, p. 19—26. (Переиздано в 1976 г. в сб. «Cartographica», Toronto, № 13, p. 13—20.)

47. On the publication of G. I. Nevelskoy's detailed account of his expedition in 1849. — Countries and peoples of the Pacific Basin; Summaries of Articles by Soviet Scholars. — М.: Nauka, 1971, p. 46—51.

48. Арсеньев как этнограф — СЭ, 1972, № 4, с. 74—87 (соавтор А. М. Решетов).

49. Дело 1690 г. о «бунте» в Якутске. (По документам Якутской приказной избы.) — Якутский архив, 1972, вып. 4, с. 149—157.

50. Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре». — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. — Л.: Наука, 1972, с. 271—279.

51. О пребывании в России Адама Каменского-Длужика, автора первого польского сочинения о Сибири. — В кн.: Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie geologii i geografii. — Варшава, 1972, с. 275—282.

52. Подробный отчет Г. И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к о-ву Сахалину и устью Амура. — СНВ, 1972, вып. XIII, с. 114—149.

53. Поляки в истории географических открытий на востоке Сибири в XVII — начале XVIII вв. Обзор вновь выявленных архивных источников. — В кн.: История русско-польских контактов в области геологии и географии. — Л.: Наука, 1972, с. 57—58.

54. Polacy w historii odkryc geograficznych we wschodniej Syberii od XVII do początków XVIII w. Przegląd ostataio

ujawnionych źródeł archiwalnych — Historia rosyjsko-polskich kontaktów w dziedzinie geologii i geografii. — Warszawa: WPAN, 1972, s. 185—186.

55. К трехсотлетию создания этнографического чертежа Сибири 1673 г. (Из истории становления русской этнографии.) — СЭ, 1973, № 4, с. 78—88.

56. Новое об Амурском походе В. Д. Пояркова (1643—1646 гг.). — В кн.: Вопросы истории Сибири. Досоветский период. Бахрушинские чтения, 1969 г. — Новосибирск: Наука, 1973, с. 112—126.

57. О картах Северной Азии Н. К. Витсена. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1973, № 2, с. 124—133.

58. Отечественная историография открытия и первоосвоения дальневосточных земель русскими людьми в XVII в. — В кн.: История археологии и этнографии народов Дальнего Востока. — Владивосток, 1973, вып. 1, с. 49—51.

59. Современное состояние исследований по истории географических открытий на Дальнем Востоке. — Реф. докл. и сообщ. ИИАЭНДВ. — Владивосток, 1973, с. 27—33.

60. Еще раз о Каменском-Длужике (новые архивные находки). — СЭ, 1974, № 4, с. 116—120.

61. Истоки начальной географической деятельности Академии наук. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1974, № 5, с. 120—129.

62. По поводу некоторых гипотез о происхождении названия «Камчатка». — В кн.: Географическая среда и географические названия. — Кронштадт: ГО СССР, 1974, с. 33—50.

63. Первые русские сведения о нивхах-гиляках. — СНВ, 1975, вып. XVII, с. 138—157 (соавтор Ч. М. Таксами).

64. Петр Первый, Николай Витсен и проблема «сошлася ли Америка с Азией». — СНВ, 1975, вып. XVII, с. 19—33.

65. Польские сочинения XVII в. о Сибири и роль поляков в истории ранних русских географических открытий в северной и восточной Азии. — В сб.: Русско-польские связи в области наук о Земле. — М.: Наука, 1975, с. 10—17.

66. Документальное подтверждение гипотезы М. П. Алексеева (о русском источнике сообщения Н. Витсена, опубликованного в 1674 г. в трудах лондонского королевского общества). — В кн.: Сравнительное изучение литератур. — Л.: Наука, 1976, с. 76—81.

67. Поход Ивана Ермолина 1669—1671 гг. (К истории открытия Камчатки.) — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1976, № 5, с. 123—127.

68. Сибирская картография XVII в. и проблема Большого чертежа. — СНВ, 1976, вып. XVIII, с. 213—226.

69. Рец. на кн.: Г. Ланцев и Р. Пирс. На восток к империи. — СЭ, 1976, № 5, с. 178—182.

70. A History of the Cartography of Russia up to 1800. Review Essay — Can. Cartographer, dec., 1976, p. 167—173.

71. Адам Каменский-Длужик в Восточной Сибири и источники его этнографических сообщений. (Итоги дальнейших архивных изысканий.) — В сб.: Historia kontaktów polsko-gosyjskich w dziedzinie etnografii. — Warszawa: WRAN, 1976, s. 39—42.

72. О происхождении первого описания Курильских островов Ивана Козыревского. — ИТ, 1977, вып. XI, с. 89—91.

73. О раннем варианте полярной карты М. В. Ломоносова. — Изв. АН СССР: Сер. геогр., 1977, № 2, с. 122—134.

74. По поводу спора о первом чертеже Сибири. — В сб.: Источниковедение и археография Сибири. — Новосибирск: Наука, 1977, с. 5—13.

75. Роль Русского географического общества и Музея антропологии и этнографии в этнографических исследованиях В. К. Арсеньева. — В сб.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — Л.: Наука, 1977, вып. VII, с. 106—132 (соавтор А. М. Решетов).

76. Siberian Cartography of the 17-th Century and the Problem of the Great Draught — Can. Cartographer, dec., 1977, p. 139—149.

77. Значение историко-этнографических ареальных исследований для решения вопроса о месте основания первого поселения на Колыме в 1643 г. — В сб.: Народы и язык Сибири. Ареальные исследования. — М.: Наука, 1978, с. 96—102.

78. Рукописная карта экспедиции В. К. Арсеньева 1906—1907 гг. — Мат. и сообщ. по фондам отд. рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. — Л.: Наука, 1978, с. 187—194 (соавтор Г. Н. Утин).

79. Дючерская проблема (по русским источникам XVII в.). — СЭ, 1979, № 3, с. 47—59.

80. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году. Сб. док. и восп. [Составление, пред., закл. и комментарии.] — Петропавловск-Камчатский: Дальневост. изд., 1979, 247 с.

81. Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан. — СНВ, 1979, вып. XX, с. 93—96.

82. Открытие и заселение русскими залива Хаджи в 1853 г. (Из истории Советской гавани). — СНВ, 1979, вып. XX, с. 106—120.

83. О происхождении названия «Карафуто». — В кн.: Ономастика Востока. — М.: Наука, 1980, с. 186—189.

84. Экспедиция Е. В. Путятина и ее задачи (статья), предисловие и комментарии. — В кн.: В. А. Римский-Корсаков. Балтика—Амур—Хабаровск: обл. изд., 1980, 446 с.

85. Плавал ли Иван Рубец на Камчатку в 1662 г.? — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1981, вып. 6, с. 130—140.

86. Трехсотлетие со дня рождения Витуса Беринга. — Изв. ВГО, 1981, № 6, с. 465—472. (Переведена на англ. яз.: Polar Geography and Geology (PGG), oct.—dec., 1982, p. 294—303.)

87. Рец. на кн.: Р. Фишер. Путешествие Беринга. — Изв. ВГО, 1981, № 5, с. 455—458. (Переведена на англ. яз.: то же, р. 304—306).

88. 250-летие открытия Аляски. — Изв. ВГО, 1982, № 5, с. 409—415. (Переведена на англ. яз.: PGG, july—sept., 1983, p. 205—213.)

89. Открытие Камчатки со стороны реки Пенжины. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1982, № 2, с. 130—138.

90. Первооткрыватели Курильских островов. Из истории русских географических открытий на Тихом океане в XVIII в. — Южно-Сахалинск: Дальневост. изд., 1982, 208 с.

91. Новая работа о плавании Семена Дежнева. — Ист. СССР, 1983, № 3, с. 209—211.

92. О подлинном происхождении названий «Амур» и «Байкал». — Изв. ВГО, 1984, № 4, с. 357—362.

93. Первооткрыватели Камчатки (введение), переизданные статьи № 27, 29, 31, 38, 85, 89, статьи «Новое о Владимире Атласове» (из журн. «Дальний Восток», 1976, № 4) и «Камчатка в первых трудах Академии наук» (из ИТ, 1973, вып. VIII). — В сб.: Норд-Ост, 1984, с. 3—90.